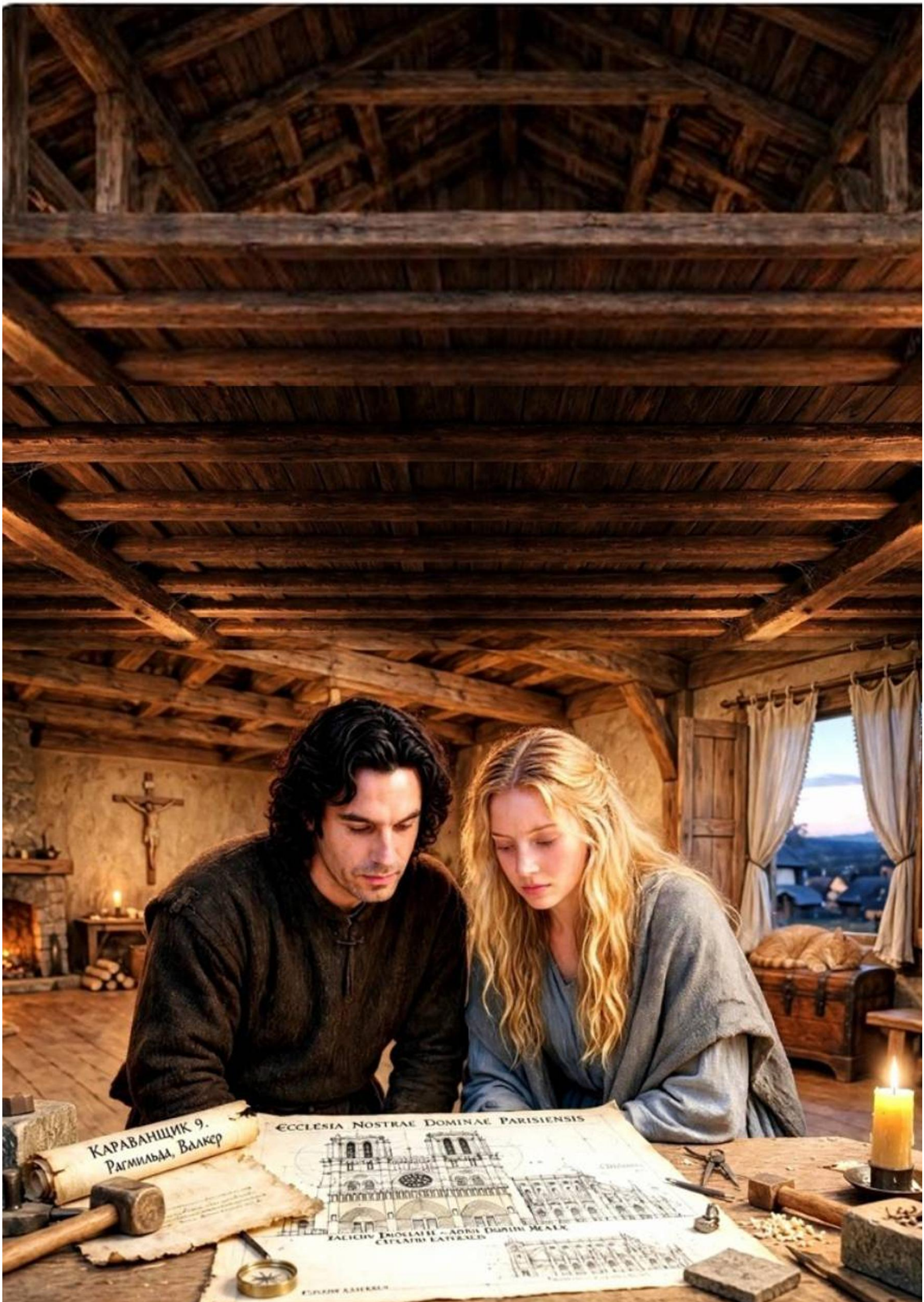

Караванщик 9.
Рагмильда, Валкер
Ecclesia Nostrae Dominae Parisiensis

Валкер

КАРАВАНЩИК 9. Рагмильда

«Автор»
2026

Валкер

КАРАВАНЩИК 9. Рагмильда / Валкер — «Автор», 2026

В полдень свечу не зажигают, чтобы сделалось светло. В полдень свечу зажигают, чтобы сделать свою ночь внутри дня. Париж начала XIII века, город - стройка. Продолжает возводиться кафедральный собор страны Нотр-Дам. Гийом де Мартэ поднимает его своды из камня, а Рагмильда строит собор из себя. Их союз камня и огня — не тёмный мистицизм, а путь к свету через тьму того времени...

© Валкер, 2026
© Автор, 2026

КАРАВАНЩИК 9. Рагмильда

В полдень свечу не зажигают, чтобы сделалось светло. В полдень свечу зажигают, чтобы сделать свою ночь внутри дня.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Доверие

У Рагмильды всё валилось из рук, за что бы она ни взялась, – то похлёбка пересолится, то мясо на вертеле подгорит, то вино разольётся. Даже Оливия стала замечать в ней неладное. И вот однажды, не выдержав очередной её промашки, она подошла к ней и спросила, в чём дело. Та лишь бросила на подругу колкий взгляд, резко отпрянула от очага, всучив той кочергу, и решительно направилась к себе наверх, не проронив ни слова. Знахарка понимала и даже, скорее ощущала, что грядёт нечто, над которым она сейчас не властна. На пике стремительных событий ей легко удавалось провести кого угодно, но томительное ожидание неизвестного поворота отнимало всю её энергию. Это делало её слабой и беззащитной. Заперев за собой дверь, Рагмильда приоткрыла ставни – в комнату пахнуло полуденно-шумным Парижем. Зажгла особую свечу для своей мистерии. Сделав из винного кувшина пару полных глотков, она стянула чепец, бросив на сундук, поверх свёрнутого сюрко. Волосы, весь день стянутые барбеттом под подборотком, рассыпались по плечам – пшеничные, влажные у висков от жары на кухне. И ослабила шнуровку на боку котта – та, что весь день давила рёбра, когда она склонялась над котлами. Шерсть наконец отошла от тела, и она облегчённо выдохнула. Рагмильда осталась в одной шемизе, босая на полухолодных досках. Усевшись посередине комнаты, женщина намотала на ладонь молельные чётки, воздела руки вверх и стала медленно вращать головой, издавая приглушённый свист. Движения головы становились всё быстрее и быстрее, руки очерчивали окружность, длинные распущенные волосы создавали вихрь из причудливых волн. Полуприкрытые веки застыли в отстранённости, а посвистывания, переходящие в подвывание, становились дикими и устрашающими. Любой, кто бы увидел это действо, испугался бы точно. Но, знахарке было далеко от чьих-то волнений, ибо она будила в себе неистовую творческую силу к решительным действиям, переходя грань безумия и сумасшествия. Сколько прошло времени в таком «танце» ей было невдомёк. Она потеряла счёт минутам и часам, забывшись в трансе отчуждения. Её сознание унеслось в другие сферы мироздания, а ум был отключён от реальности бытия. Свист, переходящий в змеино-кошачье шипение, был настолько силён, что из комнаты невозможно было расслышать звук скрипучих половиц в коридоре. Оливия, крадучись, осторожно шла, приподняв подол платья, к комнате подруги. Она прислонилась ухом к двери и застыла в напряжении. Там что-то шуршало, скреблось, кряхтело, свистело, шипело. Свеча уже почти догорела, воск потёк по подсвечнику и застыл белыми потёками, а Рагмильда всё кружилась. Волосы били её по лицу, по плечам, по голой шее, руки описывали круг за кругом – то вверх, к потолочным балкам, то вниз, к полухолодным доскам. Чётки уже не щёлкали, а гудели в кулаке, будто сами хотели вырваться. Свист перешёл в вой – не громкий, а тягучий, нутряной, от которого в комнате, казалось, дрогнули и ставни, и сундук с сюрко. Тень на стене больше не повторяла за ней – она жила сама, огромная, распахнутая, с волосами-вихрем. Она не чувствовала ни усталости, ни жара, ни того, что босые ступни уже давно стёрты о доски. Время сжалось. Минута стала часом, час – минутой. Париж за окном исчез. Кухня, котлы, люд, приятельские лица – всё отвалилось, как ненужная одежда. Осталось только одно – это кружение, этот вой, это тело, которое наконец-то не слушалось никого, кроме неё самой. И в какой-то миг, на самом пике, когда голова уже не могла кружиться быстрее, а вой уже не мог стать диче, – всё оборвалось. Резко. Как струна. Она замерла посередине комнаты с поднятыми руками. Грудь ходила ходуном, а застывший вихрь её пшеничных прядей стал медлено падать на плечи. Одна прядь – на лоб. Другая – на щёку, прилипла к мокрой коже. Третья – тяжело легла на ключицу. Волосы будто не хотели останавливаться, будто ещё помнили круг. Руки всё

ещё вверху, но уже дрожат. Пальцы разжались – чётки соскользнули с ладони и глухо стукнули о доски. По телу Оливии пробежал холодок, рот сам собой открылся, а кожа покрылась гусиными мурашками страха. Она машинально подняла руку ко лбу, чтобы осенить себя святым крестом, – да так и застыла, не шелохнувшись. Казалось, неведомая сила коснулась Оливии и стала подчинять её себе, полностью обездвижив. Внезапно, с истошным женским воплем, переходящим в клёкот птицы, раздался оглушительный гром, сверкнула молния, и крупные капли застучали по старой черепичной крыше. Буря накрыла столицу. В «Курочке» ветер завывал в каминах созвучно громовым ударам. Где-то звякнула разбившаяся посуда. Послышались крики испуганного люда, поспешный топот ног с бранными словами к прыгающим ставням, безумие животных в загоне – всё превратилось в один огромный праздник непослушания. А Оливия так и стояла, застывшая в странной позе, совсем не слыша и не реагируя на буйство стихии. «Клы-ша-фры-хо-апью-рогл-жих-баф-аш-тры-ууу-ший-ё-клы» – доносилось до её уха бесконечной вереницей несвязанной бессмыслицы. Тучи опустошились от тонн воды, и с сильнейшим громом, который оглушил город последним неистовым раскатом, всё тотчас улеглось. Кучевые облака в мгновение ока разошлись. Небо опять стало привычно голубым, солнечные блики запрыгали в многочисленных лужах. Горожане с недоверием смотрели вверх и с опаской выходили из своих домов, приютов, лачуг или мокрыми выползали из сырых подвалов. Все крестились и славили Бога за скорое избавление от дьявольской силы тьмы. Тут же священники собирали вокруг себя толпы и рьяно побуждали всех к покаянию и к денежной жертве для матери-Церкви – за оплот спасения. Люд крестился, стоял на коленях, плакал и завывал всеми голосами, а усердная братия с крестами в руках становилась жнецами душ неприкаянных и покаявшихся. Даже благородного вида горожане и рыцарство не могли ускользнуть мимо рук жрецов – всё и вся приносилось на алтарь жертвы. Знать расчехляла кошели, рыцари гремели латами и присягали святому Престолу, не сходя с того места, где их и накрыла буря. Все христианские души были объяты единой верой. Радость и блаженные слёзы мирян под истошные выкрики священников сливались в единый хорал Небесам. Все обнимались и забывали в ослеплённом экстазе про свой статус, иерархию и положение в обществе. **Может Небо и право, давая нам взбучку сверху, чтобы мы хоть немного приходили в себя?** Внезапно открылась дверь и в комнату подруги ввалилась подслушивающая Оливия. Оправившись, она осмотрелась по сторонам, но Рагмильды нигде не было. Ставни были открыты, игривый ветер трепал подшитые шторки, а влажный воздух заполнил комнату свежестью. Было привычно чисто и опрятно, как всегда. Вдруг за спиной Оливии скрипнула половица, и из-за открытой двери к ней, улыбаясь вышла Рагмильда с кувшином в руках. Оливия отпрянула в сторону от испуга и резкой смены логической последовательности со странным мычанием: «Мм-м-м-м». Знахарка протянула ей полный стакан сервуара, и та залпом осушила его, не моргнув. Оливия хоть и была на средних сроках, но нравы того времени вполне допускали некрепкий стаканчик, как считалось, для силы плода. Помедлив, Оливия потребовала от подруги объяснений и дала понять, что этот дом прилежной католички никак не может быть пристанищем для разного рода ведьм и колдуний всех мастей. Рагмильда удивилась сказанному и состроила притворную гримасу. Она взяла псалтырь и повернулась в сторону стены, где висело огромное распятие. Рухнув на колени, она неистово заголосила святым псалмом из Писания о праведности бытия, а её подруга – то ли из-за хмеля, то ли из-за солидарности или страха Божия – пристроилась к ней вплотную и обильно стала осенять себя крестами. Заметив несколько перьев, Рагмильда резко усилила пение, призывая всех святых во свидетели своей праведности и быстро накрыла их святой книгой. Очумелая Оливия стала бить лбом пол в неистовых поклонах, да так, что Рагмильде пришлось поубавить пыл, чтобы её подруга не разбила себе голову в кровь в порыве экстатичного воспарения. Закончив этот спектакль, Рагмильда поднялась и подала руку Оливии, чтобы проводить её в свою комнату. Та тряслась и вся дрожала, умываясь слезами блаженного восторга. В коридоре они увидели вымокшего до нитки Аделарда, из-под лат кото-

рого вытекала вода, оставляя за собой целые лужи на полу. Он ругался и сыпал проклятия всем демонам. Женщина бережно передала Оливию в руки супруга. Та всё ещё всхлипывала и, заикаясь бубнила, что видела ангела в ярком ореоле с огромными крылами, очень похожего на её подругу. Аделард перекрестился, осторожно взял жену на руки и понёс в их покои, сменив громовые проклятия на обильные лобызания. А Рагмильда пошла на кухню продолжать повседневные дела, понимая, что Оливии сейчас уже ни до чего, тем более, когда её муж дома. На кухне стоял гомон кухарок, шум от посуды, хруст перерубаемых костей, запах мяса и овощей. Котлы булькали, вертела крутились, ножи стучали, а голодный народ нетерпеливо ёрзал на скамьях в ожидании скорой трапезы. Отведав ото всего, что готовилось, она одобрительно кивнула и дала согласие подавать на столы. Было обеденное время. В это мгновенье открылась дверь, и в харчевню весело влетела Жюли, а за ней вошёл Гийом де Мартэ с розой в руках. Он приблизился к Рагмильде и протянул цветок, а радостная Жюли лукаво выглядывала из-под рукава отца. Не ожидая такого поворота в затеянной игре, Рагмильда с кувшинчиком в руках как бы смутилась и, незаметно для всех, но осторожно ступила на ногу мастера, дав тому женский ответ и приглашение к дальнейшим действиям, приняв у него цветочное подношение.

До изобретения первых механических часов оставалось совсем недолго – каких-то двести лет. Время пока определяли по звёздным светилам, а сутки отмеряли звуковым сигналом каждые три часа, днём и ночью. Этот отрезок назывался стражей. Таким строгим хронометражём с незапамятных времён занимались звездочёты, или астрологи. Их было всегда в избытке – во всех странах и городах, в любом шато и даже в деревнях. Многие из них состояли на военной службе у короля или феодала, пока их не заменил безликий тикающий механизм с циферблатом и стрелками. А уже никому не нужных, оболганных в ереси и богохульстве учёных мужей страстно поджидал другой, «кровавый маховик». В эту ночь звук рожка оповестил её точную середину – вторую ночную стражу. Мастер отложил в сторону перо, потянулся, встал из-за стола и подошёл к мирно спящей Жюли. Он аккуратно поправил съехавшее одеяло и осторожно провёл тыльной стороной ладони по шелковистой пряди густых рыжих завитушек. Красный кулон – дар Рагмильды – неподвижно лежал на груди малышки, оберегая её сон, и казалось, будто он служит ей тем самым щитом, что входит в неотъемлемый атрибут каждого рыцаря. Взгляд Гийома был полон любви и сострадания к этому ребёнку. Она причмокнула и повернулась набок, привычно засунув большой палец в проём выпавших молочных зубов. Постояв так пару минут возле неё, он подошёл к окну, чтобы подышать свежей прохладой, как вдруг от стены противоположного дома отделился тёмный силуэт и исчез во тьме. **Соглядатаи, доносчики, лазутчики всегда были ушами и глазами любой власти, а их агенты своим усердием формировали тайный сыск на протяжении столетий – вынюхивая, подглядывая, разыскивая и шпионя за всем, что прикажут: за собственной тенью и даже за своими отходами.** Мастер не знал, что за «Курочкой» уже почти месяц, днём и ночью, пристально наблюдает пара глаз. Лунный свет заливал своим сиянием ночной Париж, где непрестанно лаяли и выли собаки со всех сторон, мяукали коты, выясняя между собой спор и право на очередную кошку. Вплетал в это многоголосье и свои звуки ночной караул, следящий за порядком, лязгая доспехами и клинками в такт усталых шагов по узким и кривым улочкам столицы. Город спал, стонал, кряхтел, сопел. До наступления рассвета оставалось почти полторы стражи, и Гийом решил ещё поработать в благостной тиши над чертежами собора. Он зажёг очередную свечку и углубился в расчёты. Спать ему не хотелось, так как он с давних пор приучил себя работать по ночам – самое благоприятное время, когда никто не мешает мыслить и творить. Его перо безостановочно в разных направлениях танцевало на листах бумаги, вычерчивая линии и формулы, а сам он нашёптывал и даже что-то наговаривал себе под нос, при этом усмехаясь и вздымая брови, подыгрывая скрипу стилуса. Когда с последней каплей опустела первая чернильница, он поднялся за новой не отрывая глаз от бумаг, как тут же его

торс упёрся в жёсткий предмет. Мастер озадаченно перевёл взгляд и увидел перед собой медный поднос со снедью в руках Рагмильды. Не моргая, она загадочной улыбкой смотрела на него. На мгновенье смутившись, Гийом собрался, став как и прежде галантным и учтивым кавалером. Быстро освободив стол от бумаг, он перенял у неё тяжёлый поднос и аккуратно поставил на стол. Женщина продолжала улыбаться. Предложив ей стул, мастер извинился что не услышал, как та вошла, ведь её взору предстала наваленная на стол кипа бумаг, да и сам он наверное выглядел чересчур смешно и потешно, закопавшись с носом в них. Женщина перевела взгляд на спящую Жюли, затем на него. Она стала сама извиняться, что направляясь в свою комнату спать, вдруг заметила, что его дверь приоткрыта и заглянув, решила, что мастер наверное проголодался и был не прочь бы перекусить. Продолжая кокетничать, она предположила, что он, наверное, будет не против отложить на время свои бумаги и приняться за столь аппетитного гуся в яблоках под терпкий стаканчик анжуйского. И они принялись за трапезу. По мере того, как кувшин пустел, их этикет и степенная взрослость постепенно стала меняться на открытую непосредственность. Когда вкуснейший гусь исчез с подноса, Рагмильда продолжила свою женскую игру с Гийомом. Она стянула чепец и барбетт. Свободно распустила волосы, показывая ему часть женской красоты, которая весь день скрывается под головным убором. Затем, подойдя к открытым ставням, женщина продемонстрировала свободную грациозность плоти у распахнутого в ночь окна. Встав к мужчине в полоборота, она подняла голову к тёмному небу, где красовались яркие точки, и обнажила часть шеи от густых волос, отведя их в сторону. Ровная, изящная, красивая шея сияла в свете тусклой свечи ничуть не хуже любой звезды. Сила жизни запульсировала в венах мужчины, он стёр гусинный жир с губ и медленно поднялся. Мастер забыл о бумагах, о жене, о спящей поодаль дочери. Гийом был затянут в неистовый вихрь истомы, в бездну чувств. Сделав пару шагов в её сторону, он ощутил её запах, ясно слышал её дыхание, как вдруг за его спиной раздался плач Жюли. Он обернулся и увидел, как дочка всхлипывая сидит на постели и потирает кулачками сонные глазки, готовая вот вот заплакать. С него мгновенно слетела блажь и он подбежал к ней с волнением. Жюли протянула ручонки и шепнула ему на ухо, что хочет: «пи-пи». С облегчением вздохнув, отец аккуратно поднял её и отнёс за ширму, где стояла «ночная ваза» для таких мероприятий. Скоро он вынес дочь обратно в постель, но Рагмильды уже не было. Не было ни подноса, ни кувшина, ни следов трапезы. Стол был небрежно покрыт теми же самыми бумагами и точно в таком же положении, когда он осушил чернильницу почти час назад. Его удивлению не было предела, а мысли хаотично сверлили мозг настойчивым вопросом о реальности происходящего. Он с опаской и подозрением обвёл глазами комнату, задерживаясь на мгновенье на каждом предмете, а затем пожав плечами подошёл к открытому окну. Порывы дуновения забегали в окно, а романтичное воспоминание о грёзе, слепым взором наощупь старалось дотянуться через пространство к той, которая уже давно спала в своей постели после тяжёлого дня, к той, которая начинала сводить с ума мастера Гийома де Мартэ.

Свет одинокой свечи тускло озарял каменное помещение без единого окна, навевая неподдельный страх, делая его ещё более зловещим и мрачным. На стене висело огромное во весь рост распятие. В углу на полу валялись кандалы и орудия пыток. А за единственным столом сидел монах и записывал всё, что указывал доносчик. Полумрак и тени рисовали жуткую картину, словно два больших чёрных таракана прильнули друг к дружке для некоей общей цели. Главный таракан шевелил своими лапками, а худой тощий его собрат всё норовил забежать то с одной, то с другой стороны к их общей тайне. Скрип пера выводил букву за буквой, создавая слова, смысл которых мог кому-то даровать жизнь или мучительную смерть. Изредка откуда-то из темноты, словно из глубины мрака, доносились душераздирающие вопли, которые внезапно растворялись в этой чёрной, как смоль бездне. Казалось, что доброта, милость и солнечный свет никогда не смогут коснуться этого места, но только безысходность будет

царить в каменном мешке здесь всегда, навсегда. Важное насекомое повернуло свою маленькую головку в сторону тощего членистоногого и тот сразу же замер, задрожав всеми своими лапками. **Надменность и страх были так велики, что всё человеческое сразу же превращалось в нечто низменное, отталкивающее, противное и противоестественное роду людскому.** И похоже, что данный вид насекомых мог вполне состязаться с видом человека, и даже заявить свои права на этого самого человека. Насекомое мотнуло своей головкой и тотчас другое мерзкое созданье отпряло и проворно исчезло в темноте. Монах отложил перо, довольно потянулся и вышел из-за стола. Он подошёл к распятию, где был безжалостно пригвождён невинный агнец в терновом венке, изогнутый в неистовых муках боли. Монах в театральном жесте поднял длань, претендуя на власть и повелевание безысходным молохом судьбы, а затем устало зевнув, махнул рукой и слился с темнотой. Двор судилища был полон шумного люда разных мастей и сословий. Вооружённая длинными копьями и гвизармами охрана сдерживала особо ретивых. Плотные ряды цистерианцев и простых священников в чёрном окружали главных участников действа – подозреваемых – уличённых в ереси против догм и канонов Римско-Католической Церкви. Мускулистые палачи в красных колпаках исправно готовили свой инструментарий возле рабочих мест, где дыбы, плахи, виселицы скучали по мясу и крови долгожданных жертв. Еретиками церкви очень часто становились лица женского пола, на которых стряпался донос в колдовстве. Даже без оглядки, всем женским телам априори приписывался сознательный сговор с бесами для ворожбы иль совокупление с сатаной, когда охочим до их плоти жрецам от церкви и власть имущим, давался решительный отпор насилию. Таковыми могли также стать истерзанные болью роженицы, производившие на свет уродливых младенцев. Колокол мерно отсчитывал своими тоскливыми ударами долгие секунды до начала очередной расправы. Вороньё с карканьем слеталось на пиршество, в руках стражников горели факелы, монахи держали шесты с крестами и хоругвями, а люд приходил в неистовое возбуждение от острого предвкушения чьей-то смерти. Голубой небосвод этого утра резко затянулся пеленой, пошли облака и повеяло прохладным ветром, который нёс на своих плечах приближающийся дождь или слёзы Неба по своим невинным и заблудшим детям. В клетке на всеобщее обозрение находилось несколько истерзанных женщин разного возраста в кровавых рубищах или скорее лохмотьях, кое-как прикрывая их истерзанную наготу. Потухший взор приговорённых говорил о скором избавлении от мук жизни в объятиях мучительной смерти. Церковь нуждалась в еретиках. Вера в чистого бога требовала жертв, много жертв во имя и от имени этого самого бога. Первой из клетки была выволочена за волосы миловидная девушка, которая обвинялась в ереси. Она еле передвигала багровое от обилия гематом и ран трясущееся в спазмах тело. Остатки её платья были умышленно разорваны, обнажая порезанные гру́ди, которые она уже не могла закрыть от постороннего взора негнущимися руками, что плетьми безвольно свисали и мотались в такт мелким прерывистым шагам. Превозмогая неистовую боль, по ногам из её лона сочилась кровь. Показательно говорилось, что допрос инквизиторами был проведён с должным пристрастием, когда не только обвинители, но также и стража приложились к ней по многу раз. Почти все мужчины вперились в неё своими жадными глазищами и мысленно срывали с её израненного тела последнюю защиту, чтобы увидеть запретные прелести, на которые христианство наложило табу. Они все хотели её, хотели вдоволь прямо здесь и сейчас, чтобы, затем довольными в содеянном насилии – обвинить её в умышленной ворожбе против них. Женщины же, наоборот, старались прикрыть глаза ладонями или опустить голову, ибо они невольно отождествляли себя, свою женскую природу с ней. Тот самый монах из казематной кельи восседал на оглашении данного обвинения. Он с важным видом раскрутил свиток и громко прочёл приговор. После краткого обвинения в тех грехах, которых не было и в помине, он ехидно предложил невинной жертве последнее покаяние и перекрестив себя, махнул одному из палачей приступать к аутодафе. Женщина с трудом подняла взлохмаченную в кровоподтёках голову и её последний взгляд из-под разбитых глаз

заскользил по толпе зевак. Одно, благородного вида заплаканное лицо, неотрывно с отчаянием провожало её, прощалось с ней. Она из последних сил пыталась вспомнить его имя, которое крутилось у неё на уме – то ли на М, то ли на Г, но память уже покинула её. Глухо затрубил рожок и палач потащил жертву, как вещь к дыбе. Поленья уже были аккуратно и слаженно сложены для устойчивого костра, сухие вязанки хвороста для розжига огня были наготове. Мучитель грубо сорвал с неё кровавые лохмотья и медленно на потеху и обозрение всем, провёл своими ручищами по её кровоточащему обнажённому телу сверху донизу, и задержавшись внизу, отвратительно причмокнул, а затем туго приковал обнажённую к столбу. Народ гудел. Скорая смерть голой девы навеяла на нескольких молодых монахов вожделение. Имитируя показное отвращение и неприязнь, они отделились от своих братьев, скрывшись в затемнённых сводах двора, чтобы скорее ублажить друг друга. С последним ударом колокола был поднесён факел. Хворост быстро занимался огнём и языки пламени скользили вверх к самому лакомому кусочку нежной плоти. Неистовый жар объял ноги жертвы, а лицо исказила нестерпимая боль. Невыносимость стала ужасной и с ослепительной вспышкой она издала последний крик ... Ошеломлённые глаза были широко открыты, неимоверно пульсировало сердце, готовое вот-вот вырваться из груди, а на лбу проступил обильный пот. Рагмильда неподвижно лежала и не шелохнувшись осматривала перед собой то, на что натыкался её взор. Знакомое помещение заливал яркий солнечный свет. Затем она сделала усилие пошевелить пальцами, они все чётко слушались её команды. Через несколько секунд она повернула шею, чуть привстала и обвела взглядом привычную комнату в «Курочке». Из открытого настежь окна по её ногам скользил прямой солнечный свет, они неистово горели изнутри. Ещё раз бегло осмотрев себя и окружающее пространство, она поднялась с кровати, чтобы напиться, но тут же рухнула обратно. На её запястьях краснели следы от смертельных пут. Рагмильда закричала и лишилась чувств. Сквозь пелену забытия откуда-то сверху ей слышался громкий голос, шум вбегающих ног и скоро в её глазах стал проясняться тот самый образ, который смотрел на неё из толпы. Это был Гийом. В эту самую минуту жизнерадостный смех Жюли, доносившийся из комнаты Оливии, полностью вернул Рагмильду к реальности, заблокировав в её сознании ту страшную дверь в преисподню мук и страданья. Сейчас она вдыхала полной грудью свежий воздух и с улыбкой глубоко и непрерывно смотрела в глаза мастера, покоясь в его сильных руках. Ей хотелось снова забыться сном, но таким сном, который бы унёс её в небеса блаженства и радости. В уголках её глаз проступили слёзы и потекли по бархату щёк. Гийом бережно вытер их тыльной стороной ладони. Губы Рагмильды напряглись, чтобы нежный звук мог пройти сквозь гортань и донести до его ушей всю глубину женских чувств, но вместо этого конвульсия пробежала по её стройному телу и, рвота вырвалась наружу, прямо на новый камзол мастера, словно это был последний удар инфернального хлыста. Секундой ранее, огромный паук-крестовик, вынырнувший из-под потолочной щели с жадностью стал спускаться по своей паутине к жертве, но не заметил резкого взмаха руки и с хрустом окончил свою членистоногую жизнь под каблуком увесистого башмака, самим став жертвою прежде. В комнату Рагмильды с шумом и смехом втиснулись Жюли с округлой Оливией, чтобы развеселить свою подругу, но Гийом сделал тут же им знак поутихнуть. Они с тревогой подошли к её кровати. Мастер успокоил их, высказав убедительную мысль, что просто Рагмильде приснился кошмарный сон и, скоро, она бодрой вернётся к ним снова. Жюли бесцеремонно залезла на кровать и прильнула к Рагмильде, почти закрыв той лицо своей рыжей копной шелковистых кудряшек. Оливия предложила мастеру аккуратно снять камзол и отправить его в стирку. Громовой раскат игривого Аделарда застал застывшую сцену в полном молчании: Оливию с камзолом мастера в руках, Гийома в исподней рубашке и Жюли, обнимающую неподвижное тело Рагмильды. Эхо его голоса растворилось под деревянным потолком комнаты и пятая фигура застыла рядом со всеми остальными. А с улицы в тишь их комнаты ворвался обрывистый крик оборвышей, что утром сожгли ведьму ... А за несколько часов до этого, во тьме подземелья, где свет одинокой свечи тускло озарял каменное

помещение без единого окна, навевая неподдельный страх, делая его ещё более зловещим и мрачным – вершились страшные дела, отправляя в объятия смерти невинных ради Истины от имени Её. Церковь изо всех сил денно и нощно в течение столетий старалась убедить паству в одном и разубедить в другом. Она делала это осознанно, страшно, без слёз сострадания, ибо во имя Бога дозволено всё. Границу же дозволенного иерархи отодвинули за горизонт – в небеса или даже в сам ад – ведь никому не позволено туда ступать и, даже, помыслить об оном. А кто покусится, осмелится на это действо, того непременно ждёт и настигнет кара с геенной огненной, сотканной из страшных мук и страданий. «Да! да!», – кричала неистовая толпа, требуя очистительного огня. «Да! да!», – тянулись руки набожных христиан к топору. Да – смерти! Нет – жизни! Непогрешимая святость невежественной толпы своею стадностью куёт железные гвозди догм из страха, чтобы навечно заколотить ими далёкое призрачное небо. Кто против – тот будет обвинён, в клочья растерзан, разорван! У страха есть своя философия; страх сам страшится и требует право на свою страшную мысль, становясь святым страхом божиим, ведь игла – и дырявит и шьёт ...

«Игла дырявит и шьёт»: проносилось в уме Рагмильды. Все пристально и неотрывно смотрели на неё в ожидании откровения, и только Жюли была вне серьёзных взрослых глаз, шепелявя себе под нос всякую бессмыслицу, продолжая гладить волосы Рагмильды. Наконец, женщина открыла глаза и слабо улыбнувшись, попросила воды. Она обнажила на всеобщее обозрение доселе умышленно закрытые запястья, на которых багровели следы от кандалов. Железо было таким острым, что их края оставили кровавые отметины, которые невозможно было просто так утаить. Девчушка тут же бросила гладить Рагмильду и очень смешно выговаривая заявила, что хочет такое же и для себя. Оливия завороженно смотрела на запястья подруги, словно её взгляд был прикован некоей странностью. Гийом и Аделард озадаченно переглянулись. Все они видели одно и то же: массивные золотые браслеты, инкрустированные серебром и каменьями изящно красовались на белых запястьях женщины. «Такие украшения могли бы стоить всей «Курочки»»: подумала Оливия. «Такая вещица могла бы потянуть на боевого коня с оруженосцем и хорошие доспехи»: прикинул Аделард. «Такие изысканные браслеты могли бы украсить любую благородную даму»: пронеслось в уме Гийома. «Откуда у неё это?»: в итоге была их единая, единственная мысль. Женщина обвела всех вопрошающим взглядом, они хотели от неё того же самого. Рагмильда не была бы знахаркой, если бы не почувствовала нечто странное в поведении друзей, ведь она ожидала от них аспект сострадания, а вместо этого она наблюдала их непонятное восхищение, блеск глаз и удивление от увиденного. «Что здесь происходит?»: задавался её ум. Первым пришёл в себя Гийом. Он справился о её самочувствии и предложил свою посильную помощь в качестве сиделки, ведь быть на стройке кафедрального собора каждый день ему не обязательно, и он мог бы побыть с ней рядом. Рагмильда была чрезвычайно рада такому повороту, но волнующее ощущение витало где-то рядом, мешая её спокойствию дать уверенный ответ согласия. Она лишь слабо улыбнулась ему в ответ. Затем, из своих мысленных грёз очнулись Аделард и Оливия. Та уже было открыла рот, но Аделард показно прокашлялся и она притихла. Жюли не переставая водила пальчиком по запястью Рагмильды и что-то тихонько пела себе под нос про благородную даму с золотыми браслетами. "Вуаля"...

Глубокой ночью, когда «Курочка» смотрела свои сны, Рагмильда была на ногах и готовилась незаметно покинуть харчевню. Она хотела одна без друзей найти и увидеть то место, ужас которого днём ранее, внезапно вторгся в её сны и заставил почувствовать в агонии страшных мук неминуемое дыхание смерти. Казалось, животный страх не гнал её прочь в бега, но манил и призывал к себе исследовать себя. Он хотел объять, завладеть всеми её фибрами и что-то показать, чтобы затем выпотрошить как курицу себе на обед, когда этому придёт положен-

ный срок. И Рагмильда не сопротивлялась. Мать-настоятельница успела обучить её дух приятию и принятию неминуемой чаши со смирением и отрешением. Превозмогая острую боль в руках, она, силясь и крайне осторожно без щелчка повернула ключ в замочной скважине и достаточно приоткрыв дверь без скрипа, чтобы только протиснуться, юркнула в тёмный коридор. Бесшумно закрыв за собой ужасно скрипучую дверь и переведя дыхание, женщина обернулась и тут же упёрлась в твёрдый торс Гийома де Мартэ. Она вздрогнула, не проронив и слова. Он наклонился к её уху и прошептал, что хочет предложить ей ночную прогулку до наступления суетливого дня и кое-что поведать из жизни своей семьи именно сейчас и ни часом позже. Решительной и твёрдой рукой он указал вперёд и они без тихо вышли на улицу. Облачное покрывало пыталось закрыть собою звёздное небо. Свет ночного светила очертил камзол мастера с клинком за поясом. Они стали удаляться от «Курочки», а за ними крадучись поползла тень и вскоре слилась с темнотой. Немного пройдя в молчании, мастер начал говорить, что очень давно, когда он был ещё мальчишкой, с его отцом-оружейником приключилось нечто подобное. Однажды, один из феодалов заказал у его отца доспехи для предстоящего турнира. И отец стал их спешно ковать, но вскоре занемог и слёг. Тогда в бреду ему приснился вещий сон, что в поединке копьё соперника пробьёт латы и сеньор погибнет. Превозмогая недуг, он заставил себя встать с постели и больным заковылял в кузницу, чтобы успеть в назначенный срок усилить броню. Заказчик получил доспехи и казалось, был доволен прочностью стали и качеством отделки. К несчастью для себя, благородный господин высокомерно оборвал на полуслове пророческий трепет хворавшего кузнеца. И, увы, в одном из последних поединков, копьё пробило латы именно в том месте, где мастеру показали во сне. Феодал прямо на турнире скончался от ран. Трагическая весть дошла до отца и это сильно подкосило его морально и физически. Он разочаровался в себе и оставил кузнечное дело, продав кузницу, чтобы его сын смог обучиться на вырученные деньги другому ремеслу. Гийом прекратил рассказ. Посмотрев прямо в глаза Рагмильды, он нежно взял её за плечи и притянул к себе. В эту минуту ей захотелось сдаться. Она наконец была в его руках, она была его. Рагмильда опустила веки. Мастер прильнул к её голове и сказал, что необъяснимо чувствует приближение опасности, которое коснётся их всех и особенно ... Ночная стража с факелами в руках прогромыхала мимо них с ухмылками, звеня тяжестью доспех. Рагмильда не расслышала последнее слово Гийома. Когда те прошли, он посоветовал ей как можно скорее уехать отсюда и даже предложил провести какое-то время в его скромном поместье на севере Франции. Мастер нежно взял её за запястья, на которых красовались золотые браслеты, но женщина всхлипнув от болевого прикосновения к ранам, оттолкнула его и побежала вслед за удаляющейся стражей, на ходу сочиняя для тех небылицу. Догнав их, она ловко узнала о месте вчерашней казни осуждённой. Пелена светлого тумана говорила о рассвете. Где-то запели петухи. Первые повозки с сонными возницами заскрипели, застучали по булыжникам. Две фигуры шли молча. Пройдя вперёд по улице Сен-Жермен-л'Оксеруа и далее вдоль набережной Нищеты, их взору предстал двор судилища Фор-л'Эвек. Сырость, темнота, свод. Над тюрьмой – колокольня. Когда приговор – колокола звонят, а внизу кричат. Странным образом возле открытых ворот охраны не было. Завыла тощая собака, да стая воронья безудержно стала каркать на высохшем дереве вслед непрошеным гостям. Двор был пуст кроме некоторых ужасающих предметов – бурого от крови помоста с плахой, да обгоревшей дыбы с грудой праха и костями. Неистовая сила притягивала Рагмильду против её воли в этот пепельный круг, словно, вихрь поймал и закружил в своём водовороте опавший лист. Её тянуло к столбу, её затягивало в бездну. У самого края круга она обернулась к Гийому и отчаянно закричала. Мрак поглотил свет, безнадёжность поглотила надежду. Рагмильда вращаясь летела вниз по искривлённому туннелю с огромной скоростью. Вокруг неё языки пламени неистово танцевали свой безумный танец. Красно-багровые вспышки оттеняли узкое тёмное жерло, по которому вниз падала женщина. Её нутро выворачивало наизнанку, мелкая дрожь гигантскими ударами пульсировала по венам. Холод

и жар одновременно пели свой гимн её горящему телу. Её руки отнялись, она их не чувствовала, её язык прилип к нёбу и лишь сиплый мычащий звук пытался вырваться из скованной огнём глотки. Ноги ... их просто уже не было. Её румяная и бархатная кожа сморщивалась и съеживалась в непонятное буро-коричневое ничто. Вытекающий подкожный жир шипел, а кровь пенилась и превращалась в пар. Её прекрасная доселе женская плоть с волнующими изгибами прекращала своё существование, становясь пеплом, прахом, пылью. Одновременно её плющило и сворачивало под бесконечными ударами огненной кувалды по раскалённой наковальне. Наконец, ничтожный осколок был выброшен с вершины ярко-красного пика и стал стремительно падать в этой черноте в бездонный низ, разбиваясь на многие искры о следующий пылающий пик ... и снова падал в бездну и снова разбивался об острые края и так снова и снова бесчётное количество раз. В одно мгновение жизнь перестала циркулировать и замерев, застыла, рассыпаясь на производные первичные элементы. Всё. Мир сжался в точку и исчез, исчез навеки. Нет никого и ничего. Нет бытия, есть только небытие. Тьма и мрак в бесконечном ничто. Их царство вечно. Их власть безгранична. Их тяжесть огромна. Их мученья необъятны. И тишина ... о, зловещая звенящая тишина, острая как лезвие бритвы – кромсала своей неистовой болью время за гранью времени. Ад и Ночь царили в этом пространстве. Великая сила жизни с её творческим замыслом сдалась на поругание смерти. Смерть была царицей и безраздельной владычицей в этой бесконечности чёрного круга, с обгоревшим в центре столбом, к которому стояла плотно прижавшись спиной молодая женщина с закрытыми глазами. Она была в трансе. Любой, кто увидел бы такое, сразу же бы донёс инквизиторам о случившемся. К тому же, тогда бытовало устойчивое поверье – нечистая сила рыскает вокруг мест казни и кто тронет пепел жертв, того неминуемо коснётся дьявольская длань. Бывало, что прах неделями открыто лежал и лишь собаки, да вороньё пировали на чьих-то останках. Незамеченным вдоль каменных стен, под плотной тенью деревянного свода, осторожно крался человек. В его руках находились пергамент и перо, а к поясу приторочена склянка с чернилами. Соглядатай исправно вершил своё дело, давая право следующему сделать свою богоугодную работу – последний кровавый акт. Он шагнул к свету из затемнённой части свода, чтобы нацарапать увиденное, но увлёкшись зрелищем не заметил, как холодная сталь клинка скользнула по его шее. Доносчик замер. Голос за его спиной приказал живо раздеться догола, включая исподнее или отказавшись – умереть на месте. Крепкая рука Гийома де Мартэ резко заломила шею шпиону и запрокинула его голову назад, а другая рука полностью влила в его горло содержимое из поясной фляжки. Слава богу, что мастер имел привычку всё время носить с собой несколько глотков любимого бургундского. Голый человек подшофе на глазах горожан никак не докажет, что является на тайной службе. Он мог своим проступком бросить тень на Святой Престол. Поэтому его единственным оправданным поступком является стремительное бегство под хохот зевак. Мастер выволок трясущееся тело за стены судилища и наставив острое оружие, заставил того немедленно скрыться. Затем, вернувшись, он подобрал его состряпанный донос с нехитрой одёжкой и спешно подойдя к дыбе, бросил всё под ноги Рагмильды. Незаметный доселе тлеющий уголёк, хищным оскалом впился в пергамент, заставив темнеть его чёрным контуром. Сухая бумага скоро затлела и зажглась. Рагмильда открыла глаза. Обвела взглядом двор. И со вздохом облегчения оторвалась от столба, втаптывая в чёрную пыль одежду лазутчика и его обугленный донос. Выйдя из огненного круга, женщина с благодарностью посмотрела на небо и со всей нежной страстью обвила шею мастера. Длинные клиновидные рукава обнажили её изящные запястья. Вместо прежних багровых отметин, казалось, будто бы появились золотые браслеты. А ещё через мгновение они спешно покинули мрачный двор. "Шерше ля фам"...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.